

Евгений Джиджора

КОМПОЗИЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

«Житие Стефана Пермского» (далее — ЖСтП) было написано Епифанием Премудрым на рубеже XIV-XV в.в., а «Житие Сергия Радонежского» (далее — ЖСР) — спустя некоторое время, около 1418-1420 г.г. Композиционное построение данных литературных памятников основывается на принципах хронологического повествования.

Определяя истоки и традиции русского агиографического жанра, С. Минеева среди его источников называет такие типы византийских житий: мученические, проповеднические, отшельнические и преподобнические. Исследовательница полагает, что в основу композиции житийного текста положен определенный “принцип отбора материала”. Например, в основу композиции проповеднического и преподобнического жития положен хронологический принцип [3, 27-29]. Пользуясь данной типологией определим ЖСтП как житие проповеднического типа, а ЖСР — как преподобнического.

Исследователи агиографических произведений Епифания Премудрого отмечают стилистическое и композиционное своеобразие текстов [см., напр.: 6, 215]. Композиционная организация указанных житий представляет собой традиционное в агиографии единство трех частей: “предисловия”, “основной части” и “похвального слова”. В данной статье рассматриваются особенности композиционного построения “основной части” ЖСтП и ЖСР. Речь идет о составе и соотношении формальных компонентов отображения, точнее — одной из подсистем композиционной организации — объектных отношений.

Композиция литературного произведения, по мнению А.А. Слюсаря, “представляет собой систему исключительно сложную”. Ученый полагает, что это “единство двух подсистем: объектной и субъектной”. При этом объектные отношения определяются, как “отношения между компонентами отображения в произведении” [7, 281-282]. Формальные показатели объектных отношений

такові: деление произведения на составные части, соотношение этих частей по объему, сцепление частей между собой и последовательность развития действий в произведении [см. 4, 16-28].

Деление произведения на составные части осуществляется по трем показателям: в зависимости от изображаемого места, в зависимости от текущего времени и в зависимости от некоего повторяющегося действия [см. 4, 16-28].

Композиционное деление “основной части” агиографических произведений Епифания Премудрого отражает последовательность событий жизненного пути святого. В “основной части” ЖСтП пятнадцать глав. В зависимости от изображаемого места выделены главы, в которых локализованы две географические точки. В главе “Зачало о житии его повествується о родине святого ▲ страна полуночная, глаголемая Двинская, град, нарицаемый Устьюг” [5, 56]. В остальных главах жития повествуется непосредственно о пермской земле. Кроме того, в тексте присутствует и третий топоним – Москва. Ему не посвящены отдельные главы, но о нем упоминается в связи со всеми судьбоносными событиями в жизни пермян. В Москве “прозвистер” Стефан получает благословение идти на проповедь в языческую страну. В Москве Стефан испрашивает епископа для новокрещенных и сам становится епископом, наконец, Москва – место последнего обитания св. Стефана, в ней он преставился.

В зависимости от изображаемого времени текст жития делится на этапы жизни и преподобнического служения Стефана, причем это деление воссоздает хронологию апостольской проповеди. Это: детство и отрочество (“всѣми добродѣянии украшен вѣ отрочек тѣй”) – иночество в “Затворе” (“еще млад вѣда, вѣ юности, дѣя пострижеся в черньци”) – послушничество “книжнаго учения (добрѣ извык святыя книги и велми прилежанием в них поучаяся)” – проповедничество (“тѣ часто прихожаху к нему и прнсѣдаху присно ему, свесѣдующе и совпрашающеся с ним”) – святительство (сама деятельность – “иже шед на взисканье епископа, внезапно токмо самъ обрѣтесе епископъ”, и чудотворения – “и вѣше видѣти чѣдо в земли той: идѣже преже были идолослужители и вѣсомолци, тѣ богомолци явишася”).

В зависимости от повторяющегося действия текст ЖСтП делится на собственно “действия” (деятельность св. Стефана) и “молитвы”. При этом повторяющиеся “действия” и “молитвы” образуют целостную систему.

Основой созидательной деятельности св. Стефана являются его “поучения”. Каждое “поучение” образует собой самостоятельную главу с одноименным названием. Это - “Поучение” новообращенных пермян в построенной Стефаном церкви, “Поучение” епископа Стефана в новоучрежденной пермской епархии. Последнее “Поучение” - наставление святителя перед его отъездом в Москву накануне своего преставления. Характер “поучения” соответствует тому или иному этапу подвижнического служения. Как “прозвиртер” он наставляет: “Оставьте прелесть кумирскую! Увѣжите суда и огня вѣчнаго!” [5, 102]. Как епископ: “...всѣх крещеных своих учаше въ вѣрѣ пребывати, елико гдѣ осталось от некрещеных, изискаа сюдѣ и сюдѣ, в книхъ предѣлех обрѣтая, снѣ от поганых обращааше и крещаше” [5, 168]. Перед смертью: “Внемлите законъ Божий, станите о вѣрѣ тверди, держите преданне, слушайте святаго Евангелиа..” [5, 206].

“Поучения” венчают дела св. Стефана. А предшествуют им “молитвы”. В ЖСтП их также несколько, и они выделены в самостоятельные главы. Это — “Молитва” перед проповедью в “церкви пермстѣй”, “Молитва” перед испытанием веры в споре с волхвом Памом, “Молитва” перед уходом в Москву.

Особое место в композиции жития занимают “плачи”. Они служат композиционным элементом, связующим “основную часть” жития с его “заключением”. Обычно заключительная часть агнографических произведений повествует о “преставлении” святого. В ЖСтП “преставление святого” отображено в форме “плача”. Это — “Плач церкви перьмских” и “Плач пермских людей”. А третий “плач” (“Плачеве инока списающа”) – вступительная часть “похвального слова”. Тривжды повторяющийся “плач” передает глубокую душевную скорбь пермской Церкви, пермских людей и среди них – самого “инка спснсающа”. Если при жизни св. Стефана пермяне противятся и “спираются” с ним, то по его преставлении – безутешно скорбят и вопрошают у него молитвенного заступничества перед Господом.

Таким образом, “поучения”, “молитвы” и “плачи”, отображающие условия апостольской деятельности св. Стефана, выступают композиционными элементами проповеднического жития. Само отображение в Ж двучастно. Целостность организуется на основе симметрического соотношения первой части (“поучения” и “молитвы”) и второй (“плачи”).

В ЖСР локалізовані наступні географічні точки: Ростов – в нем народився, виріс “блаженний отрок” і отримав “в Бога видіння розум”; Радонеж – туди здійснив перехід з усією своєю родиною батько отрока, боярин Кирилл; простір за межами Радонежа – пустельні лісові долини, там починається монашеский подвиг Сергія. Це місце під Радонежем в наступному визначається агіографом як святе – “монастир святих Троици”, преп. Сергій його “вздви́г Божією благодатію” і “возградитьъ взмогъ своимъ терпѣніємъ” [1, 54]. Крім того, як і в ЖСтП, в тексті згадується ще один топонім – Москва. Це місто, звідки приходив до Ростова “нужа” і “гоненіє”. Це центр, навколо якого за благословенням преп. Сергія одна за іншою підносяться нові оселі. Відокремлена глава тексту зображує події, що відбуваються безпосередньо в Москві. Правлячий митрополит **Але́ксин** бажає “повніти святого на митрополію”. Однак преп. Сергій відмовився від цієї пропозиції, де знаходиться його свята обитель, і відмовився від московської митрополії (“и сіа въ мнѣ не швращеше никогда же” [1, 131]). Ітак, діяння в Ж, за винятком перших трьох глав, передаючих “оуные версты” святого, зосереджені в “святих Троици”.

З “святих Троици” “благодать Божия” поширюється на інші невідомі пустельні місця. Так в Ж вводиться описання інших місць. Вони виділені в окремі глави, повествуючі про заснування нових монастирів: “**В началѣ монастыра иже на Кержачѣ**”, “**О монастырь иже на Дубенкѣ**”, “**В Голутвинскомъ монастыре**”, “**В монастырѣ, в Высокомъ**” і пр. Агіограф підкреслює духовну зв'язь преп. Сергія і його учнів, “святих Троици” і нових обителів, встановлюючи між ними чіткі просторові зв'язки центру і периферії.

В залежності від зображуваного часу ЖСР складається з розширеного повествовання про дитинство святого (причому, це повествовання починається з описання події, що передувала народженню, – народившийся ще дитинцем тричі повістив про себе в утробі матері, коли вона перебувала на богослужінні); далі – “оуные версты”; постриження (“начало чернечеству святого”); священство (“в началѣ игоуменьства”) і святість. Духовно преуспівший подвижник стає чудотворцем, тому в текст Ж введені глави, що свідчать про чудотворення святого: “**О изведении источника**”, “**В възкрешеніи отрока**”, “**В вѣснующимся велможн**” і т.д. Серед них три видіння, вказують-

щие на особый тип его святости: “**У** видѣнїи ангела слоушаще с блаженным”, “**О** посѣщенїи Богоматери” и “**О** видѣнїи вожественного згна”.

В зависимости от повторяющегося действия ЖСР, как и ЖСтП, основывается на собственно “действиях” (деятельность преп. Сергия и его учеников) и “молитвах”. Всякое дело преп. Сергий начинает с молитвы, будь то утреннее славословие, или “изобнованне потребныхъ”, или избрание “красна места” под монастырь, или “изведенїе источника”, или вразумление “лихоимца”. В любой ситуации – “тѣмъ молимса мы, и грѣшнїи и недостойнїи равн твоя: оуслыши насъ в сен часъ и яви славоу свою...” [1, 100]. В деятельности преп. Сергия молитва – обязательное условие созидания и творения, а в композиции жития – это системный показатель целостности текста.

Соотношение частей жития по объему следует рассматривать по таким показателям, как роль и место экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки в композиции; зависимость объема главы от предмета её отображения, а также соотношение по объему монологов и диалогов [см. 4, 16-28]. Общеизвестно, что экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка являются единицами сюжета. В отношении композиции следует говорить об их функциональном значении. В “целом” агиографического произведения функциональная роль сюжетных единиц проявляется в принципах соотношения по объему.

В основе проповеднического жития, по мнению исследователей, “объединение двух элементов: полемического и исторического”, а в основе преподобнического – “элемент биографический”, в меньшей мере – “догматический” [3, 25]. Как идейно-понятийная структура проповеднического жития, полемический элемент призван передать “противостояние “двух вер”, которое завершается “победой, символизирующей историческую победу христианской религии в мировом масштабе” [3, 24].

В ЖСтП соотношение сюжетных единиц по объему определяет полемический элемент композиции. Наибольшими в Ж оказываются “развитие действия” и “кульминация”. Кульминация, отражающая “противостояние двух вер”, передается в “прѣпрѣннїи” с волхвом. Это почти две главы - вся “**О** прѣпрѣннїи волхва”, и значительная часть следующей, включая “**Молитву**” перед испытанием веры. А в ЖСР все повествование передает хронологию поэтапного восхождения преп. Сергием своей “лѣствицей”.

Принцип соотношения сюжетных единиц обусловлен биографическим элементом композиции.

Особая роль в композиционной организации текста отводится диалогам. Диалог определяет характер подвижничества преп. Сергия и служит обязательным компонентом отображения. С диалога между юным Варфоломеем (мирское имя святого) и престарелым отцом, Кириллом, начинается повествование о намерении будущего подвижника оставить мир. Диалог передает братские отношения между Сергием пребывающими в его "пустыню" новыми иноками. Диалог передает мольбы братии к Сергию принять священнический сан и возглавить их как пастырь. Диалог между Сергием и братией определяет высоту смиренномудрия святого, запретившего выгнать "некого поселанина", который из-за "худости портъ Сергіевыхъ" не познал великого Старца. Что касается монолога, то он представлен в тексте молитвой, и присутствует при изложении любого дела, совершаемого преподобным.

В целом, и диалоги и монологи, как повторяющиеся действия в ЖСР, выполняют ту же функцию, что повторяющиеся "поучения" и "молитвы" в ЖСтП, - определяют меру целостности композиции текста. При этом отметим, что в ЖСтП диалогам отведено значительно больше места. Это объясняется самим характером полемического жития, в котором диалог является системообразующим элементом композиции жития в целом.

Вопрос о сцеплении частей жития может быть рассмотрен по таким показателям как повторяемость (многократность) некоего действия; симметричность / ассиметричность, замкнутость / разомкнутость действия; последовательность соединения частей текста и характер их внешней согласованности [см. 4, 16-28].

Многократные повторяющиеся действия выполняют в житии функцию последовательного соединения двух хронологически согласованных событий. Причем в ЖСР согласование этапов духовного восхождения преп. Сергия осуществляется по двум направлениям, горизонтальному и вертикальному.

Горизонтальное направление представлено земными делами Сергия. Это — "благословения" Старца: своим ученикам на подвиги или на игуменство в новых обителях, князю на ратный подвиг, простым мирянам и богомольцам, идущим издалека и т.д. Вертикальное направление — непосредственно восхождение "лѣствицей". Это — "молитва" постриженника об устроении места

в глуши леса; “молитва” игумена Сергия о братии выросшего монастыря “святых Троицы”, “молитва” старца Сергия о сохранении и приумножении достатка “места сего”.

Некоторые повторы располагаются симметрично. По мнению А. Слюсаря, в симметрии / ассиметрии “наиболее полно проявляется взаимосвязь частей произведения” [7, 282]. В ЖСтП агиограф повествует, как постриженник братского “Затвора”, инок Стефан, “аще видяше мужа мудра и книжна”, становился ему “совопросник и свесѣдникъ” [5, 60]. На следующем этапе своей подвижнической жизни уже книжник Стефан - “муж мудрым”, пермяне идут к нему “на съвпрошенье и на истязанье” (т.е. – задавать вопросы) [5, 104].

Наиболее полно симметричность сцепления частей повествования передается во взаимоотношениях св. Стефана и основанной им Пермской Церкви. Эти взаимоотношения представлены чувством христианской любви между епископом (земной образ Небесного Жениха) и св. Церковью (Его возлюбленной невесты). По прибытии в пермскую землю первое, с чего начал св. Стефан свою проповедь, - это “потщася заложити святую церковь Божию”. Соорудив её вскорости, он “уже украси ю всяким украшением, яко невесту добру и преукрашену <...> уже створи высоку и хорошу, уже устрои красну и добру, уже изнаряди чудну вправду и дивну...” [5, 90]. Так воплощается трепетная любовь святителя Стефана к св. Церкви Божией. По преставлении святителя такая же трепетная любовь к своему жениху выражается и со стороны Церкви. “Егда овъдовѣ”, св. Церковь Пермская “плакася по епископѣ си” : “Гдѣ жених мой водваряется?”, “О, како не сетю, яко лишена вых тебе? Рыдаю себе, яко остах тебе. Плачу о себѣ, яко овдовѣхъ”, “...да ся плачу о женисѣ своемъ день и ночь, да беспрестани рыдаю вдовства своего...” [5, 222].

Симметричность сцепления данных частей текста иллюстрирует композиционную замкнутость повествования. Стержневой основой, связующей композиционные элементы, является само духовное единение св. Стефана и св. Церкви. Оно возникает при жизни святителя и обрывается, переходя на метафизический уровень, после его смерти.

В ЖСР симметричное соединение частей выражается в изложенной агиографом идее троичности. Троекратный возглас младенца в материнской утробе побуждает Елифания перечислить события священной истории, в которых “троечисленное число все-

мү доброу начало и вина...". Вместе с тем, возглас младенца - "знаменіє", "приґотовляюще" народ к восприятию особого подвижнического служения преп. Сергия. Не "без народа, или индѣ, в таинѣ <...>, но токмо при народѣ" прокричал младенец - "«ко да въ всю землю изыдетъ слово ш немь". Случилось это во время молитвы (богослужение) - "да молитвѣнникъ крѣпокъ боудетъ къ Богоу". Определено место - "въ церкви <...>, на мѣстѣ чистѣ, святѣ" - преп. Сергию в его служении "подоваетъ сватыню Господню съврѣшити". Но самое важное: "не провъзгласи единицею или дважды, но паче третицею" — "ко да витса оученикъ сватыа Троицы" [1, 17]. В дальнейшем повествовании появляется симметричная проекция: авва Сергий назван "игүмном ксеа Руси", он - вдохновитель и учредитель нескольких десятков новых монастырей, и среди них самого главного, первого на Руси, монастыря "сватыа Троицы". Там преп. Сергий явился созерцателем "великыа тайны" - "Троицы Бога".

Сцепление частей текста основано на принципах их соединения в едином целом произведения. В агиографических произведениях Епифания Премудрого эти принципы представлены последовательностью соединения композиционных компонентов. Композиционным компонентом принято называть "мельчайшую единицу членения текста", т. е. - "такой элемент, отрезок произведения, в рамках которого сохраняется одна определенная форма, или один способ, ракурс" [2, 433], (или - определенное авторское видение, определенная мысль - добавим мы). Ракурс литературного изображения, как представляется, передает определенную мысль автора. В ЖСтП и ЖСР повествовательный тип литературного изображения в "основной части" характеризуется последовательной сменой авторской мысли.

Рассмотрим последовательность соединения компонентов на примере ЖСтП. Принцип последовательного соединения обусловлен полемическим элементом композиции. В главе "О церкви Пермьстѣи" - несколько композиционных компонентов. В первом отображена мысль о заложении св. Стефаном в пермской земле "церкви Божией". Второй представляет собой цитатную амплификацию¹. С помощью данной формы агиограф передает каноническое представление о назначении церкви в жизни христианина. Третий компонент - рассуждение о выбранном для церкви

¹ Amplification -(лат.) - расширение, распространение.

названии: “Нарече ю во имя Пресвятыя Пречистыя Превлагословенныя Владычица наша Богородица и Приснодевыя Мариа, честнаго Ся Благовѣщення” [5, 92]. Как известно, праздник Благовещения приходился по старому стилю на март. И в четвертом компоненте мы видим пространное размышление агнографа о месяце марте. В пятом компоненте происходит смена форм изложения - повествование замещает рассуждение. В нем повествуется о характере проповеди св. Стефана в пермской церкви. Шестой компонент – повествование о том, что было “въ единъ от дний, когда множество невѣрных и некрещеных” напало на проповедника и как св. Стефан обратился к ним с проповедью о спасении. Седьмой – другой эпизод “въ единъ же от дний”. Теперь сам св. Стефан нашел место, где стояла главная пермская “күмирница” и “пламенем запали ю”.

Наконец, последним показателем объектных отношений в композиции литературного произведения выступает последовательность развития самого действия. Поскольку в житии отражена хронология подвижнического пути святого, то могут быть рассмотрены следующие объекты: последовательность включения персонажей в действие; роль в жизни святого персонажа, носителя противоположной идеи; последовательность в уяснении героями вечных истин; последовательность в отображении взаимоотношений персонажей между собой [см. 4, 16-28].

Подвиг св. Стефана передается в Ж через освящение хронологии его духовного возрастания. Путь святого из “земного” в “небесное” отражен линейным графиком: юность (Устюг) – иночество (“Затвор”) – священство (проповедь язычникам) – святительство (епископство в Перми). Самыми первыми, кто определяет характер жизненного пути святого, выступают сами его родители. Стефан – “сынъ нѣкоего христолюбца мужа, вѣрна христьяна, ама и от матере такоже христьяны.” [5, 56; выделено нами – Е.Д.]. Именно благодаря им, он “еще млад буда, въ юности, <...> пострижеса в черньци” [5, 58].

После того, как св. Стефан “облечеса въ мнишьский чинъ”, активным участником его становления выступает каждый духовно преуспевший старец братского “Затвора”. На этом этапе “путь спасения” святого определяет книжная “ученость” - овладение премудростью Св. Писания. Поэтому – “аще видяше мужа мудра и книжна и старца разумнична и дүховна, то ему совопросник

и свєѣдникъ вѣаше, и с ним соводворяшєся и обноцєвашє, и ўтрєнєвашє, распытая ищємыхъ скоропытнѣ” [5, 60].

Следующими соучастниками “пути” св. Стефана оказываются некрещенные язычники. Среди них особое место занимает волхв Пам, носитель противоположной идеи о вере и спасении. Здесь композиция текста представляет полемический диалог между Стефаном и язычником-волхвом. Побеждая в споре, святой переходит к новому этапу своего служения – становится епископом. Митрополит Пимен, поставляющий Стефана в святительский сан, последний активный соучастник его продвижения по служительной “лѣствицє”. После этого уже сам Стефан – святитель, направляющий духовный путь своей паствы. Таким образом, действие характеризуется замкнутостью и симметричностью сцепления его частей (в данном случае – образ самого святого).

В ЖСР хронология восхождения преп. Сергием “лѣствицєй” определяет такой график: “в ўтрокє матернє” — “дѣтство” - “оуныя вѣрсты” - “зрєлость” (духовное преуспевание) - “святость” (чудотворение).

Аналогично ЖСтП, в ЖСР первыми лицами, участвующими в духовном определении отрока, выступают его родители. После них – священники и старцы, изъяснившие родителям “блаженнаго отрочати” значение его “дивнаго” поведения и исповедавшие перед Богом “почившю” на нем благодать. Таким же исповедником был и родной брат Стефан. С ним преп. Сергей уходит “безмолвствовати”.

Следующими персонажами, включенными в действие, выступают прибывающие к Сергию иноки. Взаимоотношения преп. Сергия и братии “святыхъ Троицы” определяют прохождение святым очередной ступени своей “лѣствицы” — священства. На этой ступени Сергей достигает “подвижнической зрєлости”, а братия – добродетели смирения и послушания. В результате преп. Сергей восходит к последней ступени своей “лѣствицы” — святости, и об этом свидетельствуют его чудотворения.

Итак, анализ последовательности развития действия в ЖСтП и ЖСР позволяет определить ряд персонажей, которые выполняют в повествовании роль “со-участников” восхождения святыми своей “лѣствицєй”. Этот ряд имеет приблизительно такой вид: в ЖСтП – родители; священники; некрещенные язычники (особая роль отведена волхву Паму); воинствующие “некрещєнцы”; митрополит Пимен; в ЖСР – родители; священники и старцы; братия

(и с ними – миряне, князья, заезжие епископы, митрополит **Алѣксин** и пр.); небесные Ангелы и Пресвятая Богородица. Последние указывают на завершение пути – преодоление преп. Сергием всей “лѣствицы”.

Литература

1. *Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергіа чудотворца списано бысть ѿ премудрѣишаго Елифаніа* / Сообщил арх. Леонид // Памятники древней славянской письменности. — М., 1885. — Т. 50. — С. 5-165. (В дальнейшем в тексте статьи ссылки на это издание с указанием номера страницы. В тексте соблюдена орфография оригинала, а надстрочный текст и титлы внесены в строку).
2. *Кожинов В.В.* Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: В 3-х кн. Кн. 2. — М.: Наука, 1964. — С. 421-491.
3. *Минеева С.В.* Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестн. Москов. унив. Сер. 9. Филология. — № 1. — М., 2000. — С. 20-31.
4. *Планы практических занятий и методические указания к ним по дисциплинам кафедры русской литературы* / Отв. ред. — А.А. Слюсарь. — Одесса, 1991. — С. 16-28.
5. *Преподобного въ священноноках отца нашего Елифания, счинено бысть слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа* / Подг. текста — Т.Ф. Волковой, О.Б. Рыбаковой; пер. — Г.М. Прохорова // Прохоров Г.М. Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. — СПб.: Глагол, 1995. — С. 50-263. (В дальнейшем тексте статьи ссылки на это издание с указанием номера страницы. Орфография соблюдена согласно изданию: сокращения под титлами раскрыты, надстрочные буквы внесены в строку).
6. *Прохоров Г.М.* Елифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1 (А - К). — Л.: Наука, 1988. — С. 211-220.
7. *Слюсарь А.А.* О соотношении фабулы, сюжета и композиции художественного произведения // Проблемы сучасного літературознавства. — Одеса: Маяк, 2001. — Вип. 9. — С. 275-284.